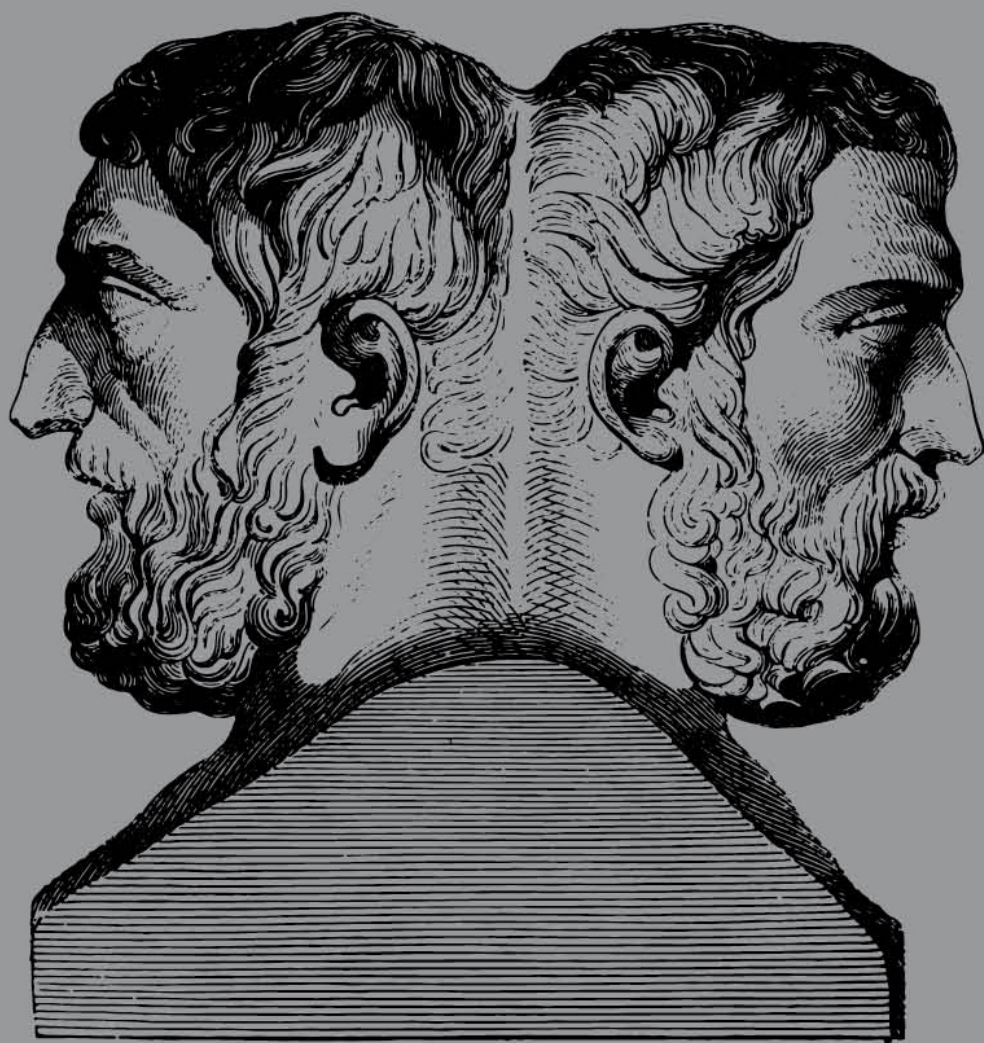

ИГОРЬ
ГУБЕРМАН

**ДЕСЯТЫЙ
ДНЕВНИК**

Содержит
цензурную
брань! 18+

Проза и Гарики

Игорь Губерман
Десятый дневник

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Губерман И. М.

Десятый дневник / И. М. Губерман — «Эксмо», 2018 — (Проза и Гарики)

ISBN 978-5-04-097486-3

«Вот я и дожил до восьмидесяти лет. Раньше никогда бы не подумал», — пишет Игорь Губерман. Его новая книга «Десятый дневник» — собрание забавных историй, интереснейших воспоминаний и мудрых рассуждений о природе человека, грехах и добродетелях, жизни и смерти... И, разумеется, в ней — гарики, любимые читателями, а также совсем новые. Эта книга станет помощником для каждого и в печали, и в радости.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-097486-3

© Губерман И. М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Заметки по случаю	6
Ещё одна несвязная глава	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Губерман

Десятый дневник

© Губерман И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Заметки по случаю

Хорошо начинать книгу с какой-нибудь сильной цитаты, чтобы она послужила тонкой рекомендацией читать и дальше. Я воспользуюсь мудростью легендарного учителя музыки одессита Столярского. Правда, он это говорил о концертах, но сказанное им относится к любому виду сочинительства. А его одесский выворот русского языка придаёт цитате лишнюю весомость. И вот что он сказал: «Ходить надо как на хорошие, так и на плохие концерты, чтобы знать как положительных, так и отрицательных недостатков».

Тут я совсем некстати вспомнил ещё одну мудрость этого незаурядного человека. Он как-то сказал, что есть произведения, от которых «руки опускаются ниже всякой критики». Ну, я надеюсь, что такого не случится.

Никакой связности сюжета в этой главе заведомо не предвидится. Я хотел назвать её «заметками из разных мест», но вовремя осознал двусмысленность такого наименования. Просто есть у меня записи в блокнотах, и куда-то я хотел бы их пристроить. Связи между ними – ни малейшей.

Катались мы с женой на пароходе, и в столовой (надо б написать – «в кают-компании», куда красивше было бы) ко мне вдруг подошёл невидный мужичонка с удивительным вопросом-утверждением: «Вы – Александр Каневский?!» Я пожал плечами недоумённо – есть у нас такой писатель-юморист, но это не я. А вопрошатель (очень умный, очевидно, человек) мне пояснил: «Дело в том, что мы с ним – очень близкие приятели». Мне стало так смешно и хорошо, что подошедшей через полчаса старушке («Извините, вы не Игорь Губерман?») я искренне сказал, что нет, я – Дина Рубина. А день спустя ещё одна старушка мне сказала: «Я давно люблю ваши стихи, но я вашу фамилию не помню», и на этом моя слава исчерпалась.

А про вещий сон я напишу подробнее, ибо накануне выдался прекрасный вечер. Это очень редко на гастролях, чтобы вечером остаться в полном и блаженном одиночестве. Случилось это в Минске. Для начала я решил вкусно поужинать и побрёл в гостиничный ресторан (виски ждал меня в чемодане, так что дальше всё сложилось бы прекрасно). А тут пошло не очень. Ресторан был совершенно пуст, но меня официанты не заметили. Потом один всё-таки обнаружил меня и нехотя подошёл. Я пиво заказал и полцыплёнка табака.

Дальнейший час я не скучал и не томился ожиданием. Я думал почему-то о людях, которые попросятся завтра на концерт без билетов, ссылаясь на полное безденежье. Обычно это местная библиотечка, которая по доброте душевной приведёт ещё с собой двух-трёх замшелых гуманитариев. И непременно после окончания они придут в гримёрку, чтобы выразить свою благодарность и попутно повестнуть о собственных изысканиях.

Один, очевидно, будет заниматься косвенными связями поэта Бальмонта (подставьте любое имя) с этим городом, где поэт однажды был проездом, а другой – еврейскими мотивами у поэта Хемницера, который, по всей видимости, ни одного еврея отродясь не видел. Это якобы нужно подрастающему поколению, которое давно уже ничего не читает, а благодаря телевизору вполне уверено, что маршал Жуков нанёс на Куликовом поле жуткое поражение танковым бригадам Золотой Орды, в честь чего и был основан город Курск.

Возможны и другие варианты. Хотеться будет рюмочку с устатку, но хотя бы можно будет покурить. В ресторане курить было строжайше запрещено. Суки поганые! И тут принесли цыплёнка. Он оказался курицей, настолько старой, что она уже ничуть не огорчалась, понимая, куда её тащат. Но края я с удовольствием объел. А после я поднялся в номер, выпил виски, покурив в раскрытое окно (все номера теперь в гостиницах некурящие) и уже ложился спать, когда мне позвонили – не желаю ли я получить массаж и отдохнуть с отменной девочкой. К сожалению, я этого давно уже не желал. А трубку положив, я вспомнил чьи-то дивные слова, что сердце – не единственный орган, которому не прикажешь.

И странный мне приснился сон. Меня как будто обокрали так искусно, что никто со мною даже рядом не был и никто не притрагивался ко мне. Будто я сидел в вагоне, мимо люди шли, и вдруг я обнаружил, что при мне нет денег, хотя только что я их в кармане ощущал.

Но как он сбывлся, этот сон! Меня действительно под вечер обокрали, и никто ко мне не приближался. Обокрали меня два импресарио из Могилёва (я туда в тот день приехал), очень симпатичные интеллигентные люди. Один даже бывший профессор консерватории, а второй – израильтянин, увлёкся прокатным бизнесом. Они просто не заплатили мне гонорар. Обещали завезти его в Москву – сестре жены, и вот уже прошло два года. А у них и офис есть весьма презентабельный, и две или три приветливые женщины там трудятся, афиши броские висят снаружи и внутри – кипит прокатная жизнь. А вот доверчивого фраера – обворовали. Я им звонил, выслушивал клятвенные заверения и всё надеялся. А гонорар обещан был немаленький, и зал собрался убедительный. Коллеги, не езжайте в Могилёв!

Ну, а теперь немного о прекрасном. В Москве (а может, в Питере) я получил записку, мной прочитанную только уже дома. Начиналась она так: «Игорь Миронович, я – представительница древнейшей профессии (что сейчас называется модным словом «эскорт»)). А дальше шли слова, приятные донельзя: «Не знаю, польстит ли Вам или опечалит, но очень часто, собираясь с девочками за бокалом вина, при обсуждении клиентов мы обмениваемся Вашими гариками. Они так ярко и лаконично характеризуют нашего «потребителя»: политиков, бизнесменов... Тем более что большинство из них – евреи».

Тут я ошеломлённо перестал читать и радостно задумался. Миф о поголовной умности нашего народа уже давно стал для меня смешной неправдой, но вот передо мной грамотное и весомое свидетельство ебливости моего народа – как тут было не призадуматься? Но дальше следовала в этой дивной записке поразительная (и снова приятная) бытовая история: «А однажды с одним клиентом мы поссорились, и я ему отправила Ваш гарик про «новый вариант гермафродита». А я этот стишок отлично помню, вот он:

*Время наше будет знаменито
тем, что сотворило пользы ради
новый вариант гермафродита:
плотью – мужики, а духом – бляди.*

Окончание записки было удивительно и благоуханно: «Утром он перечислил мне крупенькую сумму, сказав, что так изящно проститутка его ещё не ставила на место. Спасибо Вам!»

Таких записок дивных я ещё не получал, спасибо тебе, безымянная труженица сексуального фронта!

Снова обокрали меня уже в Германии. Тут был сюжет, близкий к тому обидному сну. После концерта во Франкфурте я на поезде ехал в Дюссельдорф, и в моей наплечной сумке лежал уже первый гонорар. Я кинул эту сумку на полку для чемоданов и занялся своим любимым делом – тупо глядел в окно. На остановке по вагону проходил какой-то человек, и я, естественно, в него не всматривался. Он так молниеносно сдёрнул мою сумку с верхней полки, что я слегка лишь покосился на незнакомца, прямо возле ног моих что-то подбиравшего с пола. Это он неторопливо перекладывал мою наплечную в свою огромную хозяйственную сумку. После чего выпрямился и пошёл на выход. Только после его ухода пассажиры с соседней скамьи принялись что-то нервно говорить на непонятном мне немецком языке и тыкать пальцами вверх. А тут и остановка уже кончилась. Я тоже посмотрел вверх и ничуть не удивился. В сумке моей были деньги, паспорт, ключ от машины (зачем я брал его с собой?), а главное –

там были тексты моего концерта, я свои стишки почти не помню наизусть. Вот это был настоящий кошмар: через три часа выступление. В состоянии отнюдь не лучшем я достал блокнот и принялся вспоминать стишки.

К Дюссельдорфу я почти восстановил первое отделение. Второе я лихорадочно набрасывал в антракте. После концерта какие-то люди подходили ко мне, чтобы сказать: вы сегодня были, Игорь, в каком-то невероятном вдохновении, мы любовались вами. Это они так истолковали мою нервозность, ибо, читая очередной стишок, я лихорадочно пытался вспомнить следующий. Но всё обошлось. А паспорт мне восстановили в Мюнхене, в израильском консульстве.

Однако же история продолжилась. Благородный воришка сумку мою куда-то подкинул, и она попала в полицию. А с полицией связался один дивный местный житель – я с ним даже не был раньше знаком. Так что месяца через два я получил её по почте. Всё было на месте, кроме гонорара. И тут я подумал словами очень старой еврейской молитвы: спасибо, Господи, что взял деньгами!

А в результате у меня осталось от этого путешествия по Германии одно лишь очень сильное впечатление: нет, я не об этой краже. В городе Кёльне у водителя, который возил меня по городу, был навигатор с голосом Ленина. Я каждый раз благодарно вздрагивал, слыша этот незабвенный картавый голос: «Повогачивайте напгаво, батенька, немедленно повогачивайте напгаво!»

Спустя полгода (уже в Америке это было) в каком-то городе подвели ко мне высокого немолодого человека с таким же, как у меня, слегка лошадиным лицом и седыми кудряшками на голове. «Это тот, о ком вы писали», – сказали мне, и я немедля догадался. Несколько лет назад я оказался под Филадельфией на очередном слёте клуба самодеятельной песни. Там мне рассказали, что на прошлом слёте по аллеям этого парка ходил некий средней молодости человек, говоривший встречаемым симпатичным девушкам простые слова: «Я – Игорь Губерман, и я хотел бы почитать вам свои стихи». Вот сукин сын, подумал я тогда с завистью и где-то написал об этом прохиндее. А теперь вот он стоял передо мной и даже спросил улыбочиво, не обижаюсь ли я. «Да я тебя готов обнять, как брата!» – искренне воскликнул я и тут же спросил, удачно ли это получалось. Он сочно пожевал губами и ответил с гордостью: «Изрядно часто». И я так обрадовался, словно это было со мной.

Мне это сразу же напомнило историю, как в Сан-Франциско (если верно помню) к моему коллеге Яну Левинзону подошёл какой-то пожилой еврей и сообщил интимным полушёпотом: – Послушайте, вам будет интересно. Дело в том, что это я пишу почти все стихи Губермана. Только знать об этом следует не каждому.

И Ян, большой артист, не засмеялся, обещав хранить в секрете это долгожданное известие.

О доме нашем в Иерусалиме (почти тридцать лет мы в нём живём с женой, а дети уже съехали) просто грех не рассказать. В нём восемь этажей (а мы – на пятом), ничем архитектурно он не замечателен. И эфиопы в нём живут, и люди глубоко религиозные, и несколько семей, подобных нашей, то есть светских. А событий выдающихся в нём было два: жители какой-то верхней квартиры завезли на крышу мешки с землёй и принялись разводить марихуану, а живущие внизу устроили в подвале казино. Мы с женой про то узнали, встретив как-то поздно вечером небольшую группу полицейских, провожавших двух наших соседей в наручниках.

Но это не главное, что я хотел повестнуть о нашем доме. Здесь я навсегда расстался с мифом о приверженности нашего народа к чистоте. Та куча мусора (порой огромная, её сметают раз в неделю), что лежит у лестницы к нашему подъезду – очевидное и грустное опровержение векового мифа. Здесь и картонные стаканчики из-под воды, и обрывки объявлений с соседней синагоги, и обёртки от бесчисленных магазинных сладостей, и множество другого

беспородного сора. Ибо невдалеке стоят на маленьком дворе две скамейки, а на них сидят местные жители, и ветер метёт отходы их жизнелюбия к нашему подъезду. И никого этот завал не беспокоит. Мы писали в разные инстанции, прикладывая фотоснимки этих куч – всё бесполезно. А количество религиозных соседей в нашем доме всё растёт и растёт, об этом приятно свидетельствует растущая толпа детских колясок в подъезде и скопище малышей, уже из колясок выросших. Я радуюсь, когда евреи размножаются, а большинство прежних обитателей нашего дома давно съехали в другие районы.

Дело в том, что некий неизвестный мне влиятельный раввин где-то сболтнул, что обладает неопровержимым знанием: Мессия, который скоро спустится на нашу землю (наконец-то!), начнёт обход Иерусалима именно из нашего района. И сюда немедля хлынуло нашествие желающих его увидеть первыми. К нам уже раз десять звонили и стучались молодые в чёрных шляпах: не хотим ли мы продать свою квартиру? Не хотим. Нам просто лень переезжать, уже года не те. А так как цены поднялись, то многих это соблазнило. Так вот всю эту вселившуюся молодёжь нисколько не волнует мусорный завал, через который они трижды в день (как минимум) легко переступают, спеша на молитву. Иегова ничего не заповедал им насчёт дворовой грязи. Нет, я не жалею ничуть, мне просто интересно и забавно.

Что-то я разнылся, кажется, а у меня была недавно в курортном городе Нетания одна весьма пощекотавшая мне самолюбие случайная встреча. Я вышел из гостиницы покурить и стоял на улице, разглядывая прохожих. Очень много сейчас в Нетании евреев из Франции, и французская речь звучит по всем улицам города. Возле меня остановился вдруг огромный ящик на колёсах (из него торчали ручки двух мётел и совков для уборки уличного сора), и коренастый загорелый дворник обратился ко мне по-русски: мол, не я ли тот самый, правильно назвав мою фамилию и имя. Я изумлённо подтвердил, что я тот самый, и дворник на прекрасном русском языке сердечно похвалил мои стихи и прозу. И руку с уважением пожал, спросив на это разрешения. А я стоял, ошеломлённый и растроганный, и дворник мне сказал:

– А я вот тоже: мету и пишу, пишу и мету, – после чего повёз свой ящик дальше, пожелав мне долгого здоровья.

Из бывших гуманитариев, наверно, им в Израиле приходится нелегко. Дай Бог тебе удачи, неизвестный сочинитель, пожелал я ему вслед – даже если ты графоман.

Другая история с почти таким же началом случилась у меня в Киеве. В большой аэропортовской курилке вдруг обратился ко мне симпатичный человек того же примерно возраста, что тот дворник – лет за пятьдесят с небольшим. Симпатичное лицо, седые волосы, очки и крохотная борода. Он сидел довольно далеко от меня, поэтому его громкий вопрос прозвучал на всю курилку:

– Извините, – спросил он, – это вы и есть тот самый знаменитый поэт?

Ну что ответишь на такое? Со скромностью, присущей мне, я утвердительно кивнул. И чуть пожал плечами: я, наверно.

– Минутку обождите, я хочу вам что-то подарить, – и человек, вскочив упруго, кинулся в зал ожидания. Я видел, как он рылся в оставленном походном рюкзаке. Вернулся он, протягивая мне маленькую модель ордена, запакованную в пластмассу, – эдакий военный сувенир.

– Я – Юрий Табах, – сказал он, – а это копия моего американского ордена. Можно я с вами сфотографируюсь?

Это имя ничего мне не сказало, а массовые фотосессии приключаются у меня после каждого выступления. Я его молча обнял, он нас щёлкнул своим продвинутым телефоном, мы пожали руки друг другу и разошлись.

Орден я рассмотрел уже в самолёте. Это была одна из самых высоких американских наград – орден «Легион доблести». А на обороте ордена – те самые имя и фамилия, которые мне были неизвестны. А домой вернувшись, я о Юрии Табахе уже только читал, горько себя

ругая, что так и не поговорил с этим уникальным капитаном первого ранга, командором американского флота, первым человеком из России, сделавшим фантастическую военную карьеру.

Четырнадцать лет ему было, когда в 76-м году родители привезли его из Москвы в Филадельфию. Главная причина, по которой они выбрали Америку, а не Израиль, заключалась в их упрямом нежелании, чтобы единственный сын служил в армии. Оба врача, они о той же профессии помышляли для сына. А он мечтал только об армии. Но будучи послушным еврейским мальчиком, он совместил оба вожеления: поступил одновременно в университет – на фармацевта и в военно-морское училище. А перед этим были типично эмигрантские тяготы – он ухаживал за лошадьми где-то на ферме и мыл посуду в ресторане. И отец его, кстати, сменил халат врача на фартук заводского уборщика.

Получив звание лейтенанта и флотского медика, Юрий ещё спустя несколько лет закончил парашютно-десантную школу. И понеслось! Он побывал во многих странах. Он воевал в спецназе – командиром войсковой разведки. Он был начальником антитеррористического штаба в Турции. И вырос до капитана первого ранга – это очень высоко в армейской иерархии Америки. А в годы российской перестройки (знание русского языка!) он был начальником военного штаба НАТО – уже в Москве. И помнит, как одному-единственному удивлялись в Москве его собеседники: неужели в Америке еврея могли взять в военное училище?

А сейчас он уже на пенсии (почти тридцать лет военной службы) и занят редкостным общественным делом: помогает в сегодняшней Украине обустройству раненых и травмированных войной солдат. «У нас такое было после Вьетнама и Кореи», – сказал он в одном из интервью. И это «у нас» меня задело и растрогало.

Вот с таким настоящим героем нашего времени я не успел поговорить. По чистому невежеству, заметьте.

Ещё одна несвязная глава

Среди множества недугов, присущих старости, медицинская наука упустила один важный и распространённый – очевидно, ей не показался он расстройством. Я говорю о страсти вспоминать и по возможности немедленно этим вспомненным делиться с кем-нибудь. Это может быть и внук, и собутыльник, и случайно встреченный знакомый. А уж читатель – жертва этого потока по определению. Есть у читателя возможность уклониться и страницы эти пропустить, но жалко: вдруг там что-то попадётся интересное. Я на это любопытство и надеюсь.

Очень хорошо помню день, когда я сокрушался о моральных качествах человечества. Это было 29 августа 79-го года. Я уже две недели содержался в камере предварительного заключения при милиции города Дмитрова. И никак не мог ещё понять, что происходит и чего от меня хотят. (Что это игры чекистов, понял я много позже.) Так вот, накануне этого дня я поздно вечером вернулся с допроса в камеру, и надзиратель (старшина солидного возраста) молча протянул мне газету. Там было сообщение о смерти Константина Симонова – поэта, очень почитаемого мной.

– Скажи мне, Губерман, почему хорошие люди мрут гораздо раньше, чем гавно? – очень дружески спросил меня надзиратель.

Я что-то ему буркнул невразумительное и зашёл в раскрытую дверь (точней – решётку) своей камеры. Но он к решётке подошёл, и завязался у нас долгий разговор. Нет-нет, не о поэзии покойного, а вообще о жизни. Я деталей разговора этого не помню, только очень мы друг к другу расположились. Я даже рассказал ему, что до сих пор не понимаю, почему арестован, он сочувственно головой покивал. И я к нему таким доверием проникся (в лагере потом мне объяснили, что такое часто с зэками бывает), что ему сказал:

– Послушай, старшина, вот у меня листок бумаги есть и карандаш, я написать жене хочу, чтобы она не волновалась. А секретов нет у меня никаких, сам прочтёшь, если захочешь. Положи его в конверт, я тебе адрес напишу отдельно. Сделаешь доброе дело?

Он улыбнулся и кивнул: мол, никакой проблемы нету, сделаю. И я ему через полчаса дал эту короткую записку. И безмерно благодарен был за его лёгкое согласие. А на утреннем допросе мне начальник городской милиции сказал:

– Зря вы пишете жене, что это просто недоразумение и скоро дома будете. Ещё только началось следствие, а вы сотрудников на преступление толкаете.

И со злорадством показал мне мой листок. Я ведь не знал ещё, что с моей тёщей уже виделся гэбист и её мягко предупредил, чтобы родные все держались тихо и не поднимали шума, я тогда отделаюсь лишь мелким сроком. Так что заведомо дурацкой была та моя записка, только жутко поразило меня само предательство, потому и помню его до сих пор. Уж больно дружеской была та поздняя беседа.

А на размышления о человечестве порой толкают удивительные случаи.

Доплыли как-то мы с женой на пароходе аж до Сицилии. И несколько часов стоянки провели мы в городе Катания. Дивной красоты весь город, и весьма на нём сказалась близость вулкана Этны. Смертоносная лава, которую извергал вулкан, остыла вскоре и превратилась в замечательный строительный материал. Из лавы строили дома, из лавы клали мостовую, а на центральной площади стоит на постаменте огромный чёрный слон – и целиком из лавы. А поделок-сувениров вообще не сосчитать. Покровительница города – святая Агата. В её честь великолепный храм воздвигнут. Жила эта Агата-великомученица в третьем веке нашей эры, красоты была необычайной, и её стал помогать всемогущий римский наместник. А получив решительный отказ, решил он покарать её как пламенную христианку. Бросили её в тюрьму,

пытали, раскалёнными щипцами оторвали грудь. Потом сожгли Агату на горящих углях, от Христа она не отказалась.

И теперь во многих городах Италии почитают её как мученицу во имя веры. Тут я и подошёл, наконец, к тому, что поразило меня в Катании. Во всех кондитерских, в кафе, куда я заходил, есть непременно пирожное: округлый холмик кремовой, а сверху – розовая вишенка. И называется это кондитерское изделие – «Грудь Агаты». Как вам нравится такая форма памяти о святой великомученице? Это к вопросу о человечестве, по-моему, прямо относится.

В копилке памяти моей хранится несколько историй, которые, предупредив о несвязности главы этой, я хочу изложить.

Лев Разгон, прошедший в ГУЛАГе около семнадцати лет и, по счастью, уцелевший, в посветлевшие восьмидесятые годы много выступал, рассказывая о том, что видел. И однажды некая интеллигентная женщина спросила его, на чём он писал в лагере свои заметки и впечатления. Лев Эммануилович аж задохнулся от неожиданного вопроса, а женщина вдруг просила и сказала озарённо: «А, понимаю, – на туалетной бумаге». И тут Разгон захохотал от этой детской наивности.

Забавно, что такую же точно историю мне рассказал как-то Сай Фрумкин, уже в Америке. Этот прекрасный человек (мир его памяти) и в гетто побывал, и в двух немецких лагерях. Он выжил, слава Богу, а ещё совсем недавно часто выступал в американских школах, рассказывая о европейской Катастрофе. И одна какая-то школьница (темой в этот раз было Варшавское гетто, он говорил о голоде его обитателей) подняла руку и сочувственно спросила: «А почему они не позвонили и не заказали себе пиццу?»

Вы скажете мне, что это две истории про двух дур, но мне кажется, что дело обстоит гораздо хуже. Сегодня человек уже представить себе не может кошмар той дикой канувшей эпохи, потому и ставятся в России памятники Сталину, а множество вполне разумных людей блаженно жмурятся, вспоминая то время.

А ещё одну отменную и трогательную историю (совсем иную, чем те, что выше) рассказал мне врач одной израильской больницы.

У них лежала пожилая пациентка, находившаяся в полной отключке. А ей надо было измерить температуру, и по старинной медицинской методике градусник ей вставили в попку. Ощутив его, она вдруг очнулась и еле слышным шёпотом сказала: «Йехезкель, это ты?»

Чуть не забыл (глава-то всё равно несвязная): эту историю мне в Риге рассказала одна женщина.

В Большом зале синагоги городской когда-то был марксистско-ленинский лекторий, так что после всех ремонтов кое-где уцелели дряхлые серпы и молоты. И вдруг какой-то пожилой еврей заявил свою законную претензию: мол, почему в том месте, где всякие еврейские мероприятия случаются, остались эти памятники пакостной эпохи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.